

<http://LLL21.petrso.ru>

<http://petrsu.ru>

Издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Петрозаводский государственный университет»,
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный ежеквартальный журнал
НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: XXI ВЕК

Выпуск 1 (9).
Spring 2015

Главный редактор
И. А. Колесникова

Редакционный совет

О. Грауманн
Е. В. Игнатович
В. В. Сериков
С. В. Сигова
И. З. Сковородкина
Е. Э. Смирнова
И. И. Сулима

Редакционная коллегия

Т. А. Бабакова
Е. В. Борзова
А. Виегерова
С. А. Дочкин
А. Клим-Климашевска
Е. А. Маралова
А. В. Москвина
А. И. Назаров
Е. Рангелова
А. П. Сманцер

Служба поддержки

А. Г. Марахтанов
Е. Ю. Ермолаева
Т. А. Каракан
Е. В. Петрова
Ю. Ю. Васильева
Е. Н. Воротилина

ISSN 2308-7234

Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № **ФС77-57767** от 18.04.2014

Адрес редакции

185910 Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 254а
Электронная почта: LLL21@petrsu.ru

УДК 37.014
327. 83

ДАКСНЕР Михаэл

доктор наук, профессор социологии, почетный президент Университета в Ольденбурге, министр среднего и высшего образования в рамках Миссии ООН в Косово (2000–2002), советник министра высшего образования Афганистана (2004–2005)

michael.daxner@fu-berlin.de

КРЕАТИВНОСТЬ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА

Аннотация: статья посвящена проблеме творчества и культурного развития молодежи в условиях военной интервенции и поствоенный период. Она носит междисциплинарный характер, объединяя социальные, политические, культурные и педагогические аспекты. В качестве основы для выводов автор использует собственный опыт пребывания на Балканах и в Афганистане в качестве советника по культуре и образованию. Анализируется ситуация социального и образовательного развития во время войн и в условиях последующего гуманитарного вмешательства. Сделана попытка ответить на вопросы, как молодежь развивается в обществе, не знавшем мира на протяжении более трех поколений; появляются ли новые виды образования в период военной интервенции; каким образом военные условия способствуют и препятствуют развитию талантов и взрослению личности; как в условиях интервенции смешиваются формальное и неформальное образование. В статье особое внимание уделено творчеству как искусству выживания во время военного вмешательства, порождающему смещение ценностей и формирование новых личностных проявлений. Понятие креативности конкретизировано применительно к контексту экстремальной ситуации войны и интервенции. По мнению автора, разнообразные виды творчества в послевоенной ситуации становятся источником культурного развития и социального обучения для молодежи. В статье на основании анализа материалов СМИ приводятся примеры творческой активности современной молодежи Афганистана, влияющие на культурное и социальное развитие. Выдвинуто положение о том, что в рамках «культуры вмешательства» занятия искусством и спортом становятся частью возрождения местной культуры, а также формой адаптации к культуре стран – организаторов гуманитарной поддержки. Делается вывод о том, что вопросы образования и обучения должны быть обязательно представлены в рамках обсуждений всех уровней при принятии участниками гуманитарных миссий решений относительно будущего стран, переживших военную интервенцию.

Ключевые слова: военная интервенция, культурное развитие, образование, креативность, социальное обучение.

Daxner M.

CREATIVITY AND CULTURAL UNFOLDING UNDER MILITARY INTERVENTION

Abstract: an article deals with a problem of creativity and cultural unfolding under military intervention. This is interdisciplinary one and integrates the social, political, cultural, and pedagogical aspects. The author uses his own experience in the Balkans and Afghanistan as an advisor on culture and education. There is a look into the situation for social and educational development during war and violence and in post-war period. The questions are put: How is youth growing up in a

society that has not known peace for more than three generations? Are there any specific new kinds of education in times of military intervention? How the military conditions produce or hinder the development of talents and the making of maturing personalities? How can formal and informal education come together in times, when the concepts for qualifying capacities and forming open personalities are either changing or not even touched in order to prevent unrest? The author considers creativity as a survival art within the range of new capacities and says about system of values and virtues, which are shifted during military intervention. Creativity is opposite to the passivity and indifference produced by the conflicts and the war experiences.

The following conclusions are offered: the war interrupts a formal education; the wars and violence change the deontology of whole people and its sub-structures but the generation of survivors will be the generation of teachers for the post-war youth. Creativity in a post-war situation is a source of cultural development and social learning for youth. If the education system will be open, creativity will be set free as a spin off. That's why education and schooling must be represented at all round tables where decisions for the future governance of the country under intervention are taken.

Key words: military intervention, culture development, education, creativity, social learning.

Сценарии военного вмешательства (интервенции) редко предусматривают образование и развитие личности. Когда такое вмешательство планируется, готовится и реализуется, его главной задачей является завоевание власти. Цели при этом могут быть различными: смена режима, военное господство, прекращение конфликта между двумя или более сражающимися сторонами (партиями), но чаще всего, это не имеет никакого отношения к государственному переустройству, предполагающему повышение культурного и образовательного уровня населения. Как имеющиеся исследования, так и мой собственный опыт пребывания на Балканах и в Афганистане показывают, что даже гуманитарная интервенция¹, фокусируя силы на государственном устройстве и статусе, пренебрегает социальной, культурной, образовательной базой, необходимой для подобных усилий. Позвольте ограничить дальнейшие рассуждения недавним опытом посредничества в рамках гуманитарной миссии в Афганистане и Косово. (Такие войны, как в Ираке и Сирии, порождают похожие эффекты в образовании, хотя и более сложные.)

Рассмотрим изменения в обществе, произошедшие в результате насилия, изгнания, плохого управления, военной интервенции и нарастания разочарования в демократии на примере Афганистана, переживающего сегодня тяжелые времена. Боевые силы ISAF² с начала 2015 г. сменила миссия под названием «Решительная поддержка» (*Resolute Support*)³ под руководством США при участии Германии. Афганское правительство обновляется во главе с новым прези-

¹ Понятие «гуманитарная интервенция» используется здесь в рамках терминологии концепции гуманитарного вмешательства ООН, предполагающей применение военной силы против иностранного государства или каких-либо сил на его территории для предотвращения гуманитарной катастрофы или геноцида местного населения (примеч. редактора).

² ISAF (International Security Assistance Force, Международные силы содействия безопасности) действовали в Афганистане в рамках миссии безопасности НАТО, утвержденной Советом безопасности ООН в декабре 2001 г. в русле Боннских соглашений.

³ Resolute Support or Operation Resolute Support – невоенная миссия НАТО в Афганистане, предполагающая обучение, консультации, помощь, которая начала работу в январе 2015. The responsibility to protect (RtoP or R2P) – «Ответственность за защиту». Название концепции, принятой в 2005 г. ООН. URL: <http://www.afghanwarnews.info/resolute-support.htm> Доступ 22.01.15.

дентом и премьер-министром. Страна оказалась перед лицом все более высокого уровня безработицы, снижением экономического роста, возрождением повстанческих сил, в частности талибов, и растущим разочарованием «доноров». Словом, перспективы непрерывного мирного развития, как и прежде, мрачны и неопределенны. Какие гуманитарные уроки афганский народ хочет из всего этого извлечь и что именно должно быть усвоено? Как молодежь ощущает себя в обществе, не знавшем мира на протяжении более трех поколений? Как объединяются формальное и неформальное образование во времена, когда смена понятия о квалификации способностей и формировании личности никак не связывается с задачами предотвращения беспорядков?

1. Выживание в условиях интервенции как источник обучения и социализации. Прежде чем обсуждать поствоенные эффекты, посмотрим на ситуацию, в которой оказываются культура и образование в условиях войны и насилия. Ключевым вопросом в этом контексте является то, что мы наблюдаем новые специфические виды неформального образования в период военной интервенции. Мне не раз приходилось сталкиваться с проблемами социализации и обучения в изменяющейся и сложной ситуации. И тут возникает много вопросов. Остановимся на двух. Первый: как именно обстоятельства военной агрессии способствуют (препятствуют) развитию и проявлению талантов, личностному созреванию? Второй вопрос касается возможностей постоянной интеграции усилий по выявлению и сохранению возможности обучения в более или менее упорядоченном образовательном процессе.

Война прерывает формальное образование, и само по себе это является уроком, который должны усвоить учащиеся и их учителя. Если взять 30 лет войны после массовых перемен 1970-х гг. (в Афганистане), мы окажемся перед лицом почти полного исчезновения формального образования для молодого поколения. Школы, опустевшие в силу перемещений и изгнания населения, грабежей, угроз, в конечном итоге были официально закрыты, а возможности для обучения сведены до минимума. Можно сказать, что образование как часть благополучного управления функционированием государства утрачивает свой формальный узаконенный формат, если он ранее и существовал для кого-то, кроме малочисленной городской элиты. Это не означает, что обучение исчезает вообще. Война как таковая учит поколения, и различные способы (техники) выживания в условиях насилия бросают вызов человеческим способностям как на стороне правящих сил, так и в противовес им. Мы понимаем, что данная ситуация является частью социальных перемен, условием и результатом которых становится образование.

Известно, что взросление в условиях войны и эмиграции оказывает разное влияние на формирование личности. Однако доподлинно неизвестно, какого рода изменения и значимые свойства порождают война и насилие на уровне индивидуальности и различных социальных групп. Так, западный опыт показывает, что войны помогают освободить женщин от гендерного неравенства, учат детей способам выживания, но у нас нет достаточно достоверного знания о том, какие новые способности и свойства характера при этом приобретаются. Мы знаем только, что смещаются все ценности и добродетели: соперничество,

любовь, дружба, доверие, равно как ненависть, подозрительность, пренебрежение. Война и насилие способствуют деонтологическим изменениям (смене этических представлений) людей в целом и их подструктур. Но не следует забывать, что относительно войны в целом остаются справедливыми слова, которые Питер Брюкнер¹ сказал относительно взросления в условиях диктатуры: «Детство остается детством и в условиях несвободы». Вся его биография – наглядный пример этого утверждения [2]. Я беру понятие «политической психологии», описанное этим известным автором, в качестве примера новых способностей, которые могут быть приобретены в ситуации тоталитаризма, диктатуры или войны. Это приводит к стойкому убеждению: экстремальные условия формируют экстраординарные личностные характеристики, причем, как показывает опыт, они могут быть негативными и позитивными. Но в диапазоне появляющихся новых возможностей можно расценивать искусство выживания как проявление креативности. Но выживание, в свою очередь, становится условием для того, чтобы стать креативным. Вызовы, связанные с выживанием, не появляются как гром с ясного неба; они требуют от человека по меньшей мере некоторого предварительного понимания происходящего. Для этого должно быть необходимы просвещение, воспитание, некоторая мотивация, которая не сможет быть уничтожена экстремальными условиями.

Несмотря на то что экстремальные условия стимулируют или пробуждают определенные способности и добродетели, они не формируют их сами по себе. Молодые люди редко участвуют в военных действиях и, за редким исключением, не выживают без взрослого окружения, у которого они подспудно учатся. Существует *тенденция подражания* взрослым и родителям; справедливая относительно традиционных обществ (в отличие от современных западных концепций воспитания детей). Информальное (встроенное в жизнь – примеч. переводчика) образование широко, оно определено вертикальной иерархией возраста и статуса, где *установленные порядки являются частью социализации* подрастающих поколений. Эти два элемента, определенно, в меньшей степени влияют на творческие проявления, чем вышеупомянутые обстоятельства. Еще одно направление информального образования обусловлено смещением в ходе социализации, проходящей в экстремальных условиях, к религиозной, политической и идеологической индоктринации. Этот вид «вынужденного» обучения предназначен для укрепления детской воли и уверенности в правоте дела старейшин. Но в то же время он позволяет, минуя узкий догматизм традиционной индоктринации, породить творческое сопротивление, как подробно описано в биографии П. Брукнера.

Социализация в условиях лишений подготавливает к подобным условиям лучше, чем намеренное их игнорирование (вы в безопасности, Бог позаботится о вас; если не Бог, то ваши родители или руководитель государства). Формальное и неформальное образование в обычных условиях должно допускать возможность появления в перспективе экстраординарных, экстремальных условий.

¹ Брюкнер Питер – (Brükner Piter) немецкий ученый и преподаватель, с позиций социальной психологии и социальной педагогики критически анализировал отношения между личностью государством, историей.

Это своего рода профилактика, в отличие от позиции игнорирования и успокоенности. Необходимо попутно заметить: существуют словари и энциклопедии по технике выживания, т. е. справочники с практическими советами и моральными стимулами. В одном широко распространенном немецком издании Р. Нехберга читаем: «Не все оставшиеся в живых выживают. Это пособие может помочь вам лишь обмануть смерть. Оно может вызвать к жизни утраченные инстинкты и навыки. Оно может защитить вас от цивилизационной деградации. Оно даст вам силы пережить события, которые вы не могли и предположить. И оно должно придать вашей жизни мощную динамику, помочь достичь полноты существования» [3].

Цитата приведена по причине ее близости опыту ветеранов недавних войн, которые в постгероическую эпоху воспевают подвиг выживания. Конечно, это устаревшая позиция, отсылающая к психологии Конрада Лоренца и «вымышленному героизму» Эрнста Юнгера¹. Подобное понимание выживания далеко от экзистенциального смысла вызовов, которые война и другие экстремальные ситуации предлагают людям, особенно детям. Я считаю, что «приключенческое» отношение неверно для детей и подростков, которые в ходе военных действий получают травмирующий и депрессивный опыт, но не обнаружат слишком много героизма в том, как они выживали, оттого что вряд ли будут думать о социальном восприятии и оценке своих усилий. Вероятно, могут быть исключения в лице детей-солдат или малолетних террористов-смертников, но я не уверен, что имеющейся у меня информации достаточно, чтобы вдаваться в такие подробности.

2. Интервенция и развитие креативности. Вопрос в том, может ли и каким образом военная интервенция стимулировать или ограничивать креативность пострадавших от нее людей. Креативность сама по себе – поверхностное (расплывчатое) понятие. Интересно, что оно не упоминается в пособии Р. Нехберга. Я конкретизирую определение применительно к контексту статьи. Креативность – это противоположность пассивности и безразличию, вызванному конфликтами и опытом недавнего прошлого: страданиями, голодом, муками, потерей семьи и близких людей, пропажей имущества и т. д. Мы знаем это из ежедневных столкновений с последствиями войны и насилия. Но это только внешняя сторона. Люди теряют креативность как способность к творчеству, когда у них нет будущего. Креативность должна означать освобождение от статуса неучастия в общественной и политической жизни. Это утверждение требует существенного прорыва в теоретическом понимании, но может быть легко представлено в качестве одной из ключевых проблем для любых сил вмешательства. Большинство людей, кроме явной элиты, не имеют никаких мотивов и стремления изменять свою судьбу, если воспринимают участников вмешательства (интервентов) и их местных помощников как основных акторов, ответственных за социальную действительность.

¹ Юнгер Эрнст (Jünger Ernst) – немецкий писатель, мыслитель, участник и герой двух мировых войн, воспевавший энергию подвига и жертвы, которого называли «поэтом героической смерти» (примеч. ред.).

Послевоенный и пост-конфликтный период нуждаются в том, чтобы стать временем компенсации, даже исцеления от травмирующего опыта усилий по выживанию. Не обязательно, что ситуация стремительно изменится после того, как экстремальные условия начнут переходить в фазу поствоенной нормализации. Но мы предполагаем, что определенный уровень интересов, воображения и креативности не исчезает с приходом безопасной и менее изменчивой ситуации. Безусловно, творчество и возможности нормального когнитивного и чувственного восприятия страдают от скрытых травм индивидуального и группового сознания. Но эти способности не исчезают навсегда, если травмы вылечиваются, и постепенно вновь устанавливается социальная стабильность.

Способно ли общество восполнить потерянные годы путем возрождения образования и создания стабильных условий? Да, это возможно, как известно из многочисленных примеров во всем мире: в обществе никогда не останавливается процесс реконструкции. Шрамы, раны, многие упущенные возможности остаются, но в целом есть стремление преодолеть тяжелые времена. Выжившее поколение станет также поколением учителей для послевоенной молодежи. Я знаю, что это звучит идеалистически, но это так. То, что мы можем наблюдать, это наличие среды, несовершенной в плане компенсационных возможностей. Все еще существуют голод, насилие, коррупция и вызванный войной дефицит социальных взаимодействий. Тем не менее компенсация, помимо прочего, выполняет функцию сопротивления продолжению страшного опыта. Это может не быть прогрессивным в политическом смысле, но обеспечивает прогресс социальных взаимодействий.

Однако подобные социальные проблемы не находятся в фокусе внимания организаторов интервенций, по крайней мере в начале вмешательства в государственное устройство. Это справедливо для многих войн и почти для всех военных вмешательств. Даже тех, которые имеют мандат миротворческих миссий или гуманитарные основания и проходят под знаком ответственности за защиту (Responsibility to Protect). Теоретически предлагается выбор. Либо мы ориентируемся на государство как актора, который будет определять структуру данного общества, либо само общество должно быть затронуто внешним вмешательством таким образом, чтобы у людей появились желание и способность реформировать свое государство. В действительности оба подхода дополняют друг друга. Но государственно ориентированная политика дает существенно иные результаты, нежели стратегии, в центре которых население и которые рассчитаны, в первую очередь, на социальные изменения, и в их числе развитие образования и поддержка проявлений креативности.

Целью военных гуманитарных вмешательств является завершение конфликта и восстановление государства, способного выступать в качестве партнера в рамках глобального объединения всех секторов общества. Это означает, что защита и безопасность являются высшим целевым приоритетом эффективного управления, при главенствующей роли Закона и обеспечении социального блага. Это означает не только то, что в управлении установлен приоритет защиты, но подразумевает, что аспект безопасности доминирует по всех областях управления, в частности в области права, коммуникации и прав человека,

включая право на образование и творческое развитие. Но политические действия в рамках императива безопасности – не единственная потребность, и здесь есть свои риски. При секьюритизации¹ вмешательства, как правило, не принимается во внимание, что дело касается жизненного мира людей, живущих в обстоятельствах, весьма далеких от нормальных.

Есть варианты вмешательства, которые навязывают новые институты и правила, тем самым создавая серию последующих конфликтов. Кроме этого, существуют традиции и ритуалы, которые попросту не могут более сохраняться. Есть также личные травмы и потери людей, разрушение социального порядка и стабильности на всех уровнях. В этом плане период постинтервенции может быть сопоставлен с послевоенной ситуацией. Помимо осуждения монополии насилия по отношению к законной власти (в основном это правительство, которое поддерживается организаторами интервенции), основной задачей вмешательства является преодоление эффектов тех насильственных конфликтов, которые стали причиной и оправданием вторжения в чужую страну. Возникает много последствий на всех уровнях: под угрозой находится суверенитет страны, нуждаются в обновлении конституция и законы, должно осуществиться разделение власти и т. п. (Есть соответствующие справочники, представляющие перечень того, что нужно для эффективного государственного устройства.)

Говоря о том, что в ходе интервенции интересами общества нередко пренебрегают, я имею в виду, что культурным основам социализации, коммуникации, урегулирования конфликтов, воспроизводства простейших аспектов, понимающих нормальную жизнь, уделяется слишком мало внимания. Лучшим примером может служить то, что образование и настрой студентов университетов – это те элементы, важность которых организаторы интервенции осознают слишком поздно. Во время участия в качестве члена Временной миссии ООН в Косово² мои постоянные усилия включить вопросы образования в повестку мирных переговоров оказывались тщетными. В итоге согласование институциональных реформ становилось значительно сложнее, чем могло бы быть при участии в нем с момента первой договоренности о прекращении огня представителей образовательного сектора. Это утверждение справедливо и для других секторов культуры.

Между тем молодежь должна быть выделена в качестве важнейшего компонента изменения общества. В современном Афганистане свыше 50 % населения моложе 25 лет. Уровень рождаемости здесь один из самых высоких в мире. Но молодые люди реально не представляют, каким будет их будущее, даже если хотят, чтобы оно было ярким и достойным. Ключевой траекторией, конечно, является образование, под которым я имею в виду не только профессиональную подготовку. Мой вывод из опыта Косово и Афганистана: сделайте систему образования открытой, и творчество будет освобождено, разовьется само. Дух

¹ Секьюритизация (от англ. security — безопасность) — концепция Копенгагенской исследовательской группы, в рамках которой международные процессы изучаются с позиций возведения той или иной проблемы в ранг вопроса безопасности. Термин впервые применен в данном значении профессором Оле Вейвером в 1995 г.

² Имеется в виду United Nations Interim Administration Mission in Kosovo (UNMIK).

освобождения путем гуманитарной интервенции сольется с великой западной перспективой: карьера через образование.

Креативность не существует сама по себе. Молодые люди также нуждаются в соответствующей мотивации к творчеству, как и взрослое поколение. Им нужна среда, содержательно достаточно богатая, чтобы возникло желание бросить вызов действительности. И если такая среда недоступна, рождается желание набраться опыта своим путем, вместо того чтобы вписываться в существующие традиции жизни. Система образования – не единственная инстанция, способная обогатить среду. Социальные структуры, политические обстоятельства, лишения, насилие, травмы и т. д. являются составляющими контекста, который требует креативности и смены базовых моделей жизненного мира. Государство и правительство пытаются колонизировать жизненный мир (Ю. Хабермас) и не считают творчество фактором обогащения социального пространства, необходимым для политических перемен. Вместе с тем в ситуации недостаточного развития и доступности для населения системы формального образования внимание общества должно быть привлечено к обучающим и воспитывающим возможностям творчества, проявлений социальной и культурной активности, которые способны сыграть компенсационную и развивающую роль в поствоенный период.

3. Творчество в послевоенный период как источник культурного развития и социального обучения. По нашим наблюдениям, в послевоенном обществе и в странах, переживших вмешательство, складывается особая социальная структура. В случае интервенции мы даже говорим об особом типе общества (the societies of intervention) с новыми необратимыми социальными структурами [9]. Культура вмешательства имеет аналогии с культурным развитием в условиях оккупации. Любое культурное действие, происходящее в этих условиях, имеет некоторые качества, которые отсутствуют в нормальной жизни:

1. Эстетическая и этическая составляющие искусства и интеллектуальной продукции всегда находятся в некоторой критической позиции по отношению к интервентам, даже если выглядят нейтральными. Следовательно, они являются вызовом для той культурной среды, в которой рождены.

2. Существует определенная тенденция к адаптации элементов, заимствованных из культур интервентов; в то же время этот элемент мимезиса сопровождается тенденцией оспаривать любое сходство с культурной продукцией данных культур.

3. Родные, «коренные» особенности часто намеренно приносятся для украшения артефактов чертами подлинности; при этом многие элементы местной культуры возникают из более ранних периодов, предшествующих внешнему вмешательству или доминированию (постколониальный комплекс).

4. Обычно отсутствует критически настроенный слой публики, способный оценить качество и значимость нового творческого продукта (произведения).

Этот перечень, конечно, может быть расширен. И каждый пункт в нем – это своего рода, теоретический вызов.

Творчество не имеет социального значения, пока ограничивается сферой частной жизни. Истинный творческий процесс носит публичный характер. Он

осознается социальным окружением и становится объектом критики и оценки. Большая часть интеллигенции и представители мира искусств, чья творческая жизнь пришлась на времена, предшествующие конфликту, склонны идеализировать прошлое. Для многих участников социополитических и социокультурных процессов не менее важно удостоверить актуальность новизны как продукта творческого процесса. Точнее, получить признание со стороны наблюдателей, авторитетов в данной сфере или представителей власти. Чаще всего по отношению к творчеству возникает вопрос: не противодействует ли оно, уподобляясь некоему политическому средству, религиозному, этическому, экономическому развитию? Далее: не оскорбительны ли творческие действия или объект искусства по отношению к святой церкви, законам шариата, традициям; или же не являются они просто чужими, странными, «не такими как...»?

Творчество людей, переживших интервенцию, в основе своей не отличается от творческих действий в других обществах, но вместе с тем его функции и признаки совсем иные. Как было сказано ранее, креативность зависит от достижимого будущего, определенного варианта будущего. Будущее в Афганистане означает преодоление более чем тридцатилетнего периода жестокого насилия, войны и переселений. В этот процесс преодоления ближайшего прошлого включена краткосрочная память, по крайней мере, двух, чаще трех поколений. Все они никогда не знали, что такое мир и что мир должен означать для них. Построение будущего предполагает наличие у молодежи представления о мирном обществе. Проще говоря, необходимо сформулировать ответ на вопрос: «Что я собираюсь делать, если хочу жить в мире?» Любые виды творчества в данном случае способны выполнять для молодежи функции «социального знания».

Анализируя различные сферы жизни, в которых сегодня представлены афганские спортсмены, ремесленники, художники, мы обнаруживаем некоторые моменты, которых следовало ожидать, в том числе эффект глобализации и влияния СМИ. Многие из происходящих культурных событий транслируются западными сетями для западной аудитории, которая шире, чем социум страны, пережившей интервенцию. В то же время новости распространяются в Афганистане, получая отклик местного населения. Для иллюстрации заглянем в перечень некоторых культурных мероприятий афганцев за период 2013–2014 гг. (поисковая система Google, доступ 22.01.15).

Ноябрь 2013. Афганские альпинисты карабкаются на горные вершины. Афганский Молодежный оркестр открывает финал конкурса «Звезда Афганистана»¹.

Декабрь 2013. «Окровавленное сердце»... художественная выставка в Кабуле². Художник стекла, ремесленник из Херата. Футбольный матч высшей лиги девушек в Кабуле³.

¹ Afghan Mountain Climbers on the High Summits of the Mountains URL: <http://www.afghanalliance.org/kabul-five-day-film-festival-launched-bbc-pashto>. Afghan Youth Orchestra opens season finale of Afghan Star URL: <http://www.afghanistanationalinstituteofmusic.org/latest-news>

² Художественные выставки и фотографии живых существ были запрещены во времена правления талибов. Но в последнее время изобразительное искусство и художественные выставки становятся все более популярными, особенно среди молодежи, которая составляет почти 70 % населения (примеч. ред.).

³ The Glass-artist and craftsman of Herat [province] with Half a Century Experience. URL: <http://www.afghanalliance.org/glass-artist-and-craftsman-herat-province-half-century-experience-bbc-persian>

Январь 2014. В Кабуле открыт пятидневный кинофестиваль. Скачок в новое поколение афганского кино¹.

Судя по информации в СМИ, «в прошлом году, афганские музыканты и режиссеры получили множество международных наград, в том числе номинацию на Оскар (“Мальчики Бузкаши”), лучший киносценарий на Sundance Film Festival (“Wajma”) и премию Грэмми за музыку (“Эхо любви” Омара Акрама). В 2013 году... увеличилось число художественных и фотовыставок по всему Афганистану, в том числе культурных и художественных мероприятий в восточных провинциях. “Изучение интеллектуальных и культурных событий показало, что афганское общество, особенно молодежь, больше заинтересовано в вопросах культуры, чем в прошлые года” <...> интерес, который проявляет новое поколение афганцев к художественным выставкам, является отражением новых реалий и преобразований в Афганистане²».

Люди ходят на лыжах и играют в футбол везде. Но когда здесь дети или молодежь играют в футбол и организуют турниры, в этом есть черты будущего и нормализации жизни, возникшие недавно. Заголовок «Мужчины и женщины катаются на лыжах...» может или не может провоцировать немедленную реакцию со стороны религиозных фанатиков. Любое национальное ремесло включает элемент потенциального туризма и рынка. (Правда, рыночного стимула может не хватить: в Афганистане нет устойчивого рынка, хотя сохранилась память о рынках, существовавших в центрах больших городов до 1976 г., начала насилия). Итак, несмотря на возможные противоречия, в любом проявлении творчества виден потенциал культурного и социального развития и обучения способам новой жизни.

В рамках «культуры вмешательства» (the culture of intervention) порой именно занятия искусством и спортом становятся частью возрождения местной культуры, погребенной под обломками десятилетий насилия и забвения. Другая часть импортируется репатриантами и интервентами. Обе группы могут или не могут приспособить свои концепции к тому, что считают уместным в настоящее время для гиперструктурированной культуры Афганистана. Мне хотелось бы обсудить области, где общественная адаптация (приспособление общества) к «импортированным» видам деятельности приобретает характер инновационных и творческих актов. Исследование различных форм мимезиса и роли подавленных или вновь изобретенных (иногда искаженных) традиций необходимо не только для участников интервенции и западных ученых, но и для самих афганцев, страдающих от почти полностью утраченного осознания своего прошлого и истории. Это горькое утверждение справедливо в отношении понимания и критики существующих социальных структур, а также возможностей социальных изменений (фото 1, 2³).

Bloody Heart and Liver «hanging» Art Exhibition in Kabul Afghan. URL: <http://www.afghanalliance.org/bloody-heart-and-liver-“hanging”-art-exhibition-kabul-bbc-persian>. Girls Major League Soccer Match in Kabul. URL: <http://www.afghanalliance.org/afghan-girls-major-league-soccer-match-kabul-bbc-pashto>

¹ Kabul: Five Day Film Festival Launched. URL: <http://www.afghanalliance.org/kabul-five-day-film-festival-launched-bbc-pashto>. A leap in the new generation of Afghanistan’s cinema (film industry). URL: <http://www.afghanalliance.org/leap-new-generation-afghanistan’s-cinema-film-industry-bbc-persian>

² A look at the intellectual and cultural events in Afghanistan in 2013. URL: <http://www.afghanalliance.org/look-intellectual-and-cultural-events-afghanistan-2013-bbc-persian>

³ Фотографии сделаны автором статьи.

Фото 1. Афганские дети-сироты слушают народную музыку

Фото 2. Встреча писателей и местных старейшин
в одной из провинций Афганистана

Многие официальные наблюдатели, подобно мне, были удивлены, когда поняли, насколько интенсивным является стремление к образованию у множества людей, переживших вторжение. Одной из причин является то, что большинство интервенций происходит в странах, где авторитарная система подавила всякое социальное обновление с помощью образования: касается ли это большинства людей или незначительного меньшинства. Я принадлежу к немногим счастливым, которые помогли сместить акцент удивления по поводу этого факта в сторону политических действий. Помимо законодательных мер, определенные усилия были сосредоточены на создании социального пространства. В Косово результатом этого стал «Республиканский Клуб»; с помощью небольших субсидий немецкого НКО мы создали место, где выражение творческой мысли и критика не были стеснены условностями или традициями. Очень скоро это привлекло общественное внимание как в плане одобрения, так и оппозиционных проявлений.

Еще один компонент – это желание перемен, потребность обрести все возможности, которые проистекают из новой свободы. Специфический толчок для

творчества приходит, когда пространства для этих свобод (мастер-классы, спортивные площадки, выставки, публичные концерты и фестивали, кино и литературные события) в жизни молодежи множатся. Получаемый при этом результат далек от простого копирования. Адаптация дополняется критическим и инновационным духом поколения, которое хочет проверить свою способность изобретать и создавать будущее. С другой стороны, существует оппозиция: люди, которые не хотят менять существующие господствующие отношения, или те, кто соотносят лучшую жизнь с прошлым – боятся такого будущего.

Возникает вопрос, могут ли утраченные позиции в образовании быть компенсированы после стольких лет войны. Приведенные мной примеры дают некоторые ориентиры для ответа. Образование и обучение должны быть представлены на всех круглых столах, где принимаются решения для будущего руководства страной, подвергшейся интервенции. Не только наверху, но на всех уровнях системы. Важно, чтобы наличие вопросов образования в повестке дня предотвратило возможность возврата жизни простых людей к атмосфере фатализма и переживания регрессивного статуса войны и насилия из-за недостатка соответствующих возможностей.

Участники гуманитарного вмешательства и проводники иностранной культурной политики (межправительственные организации, наблюдательные советы, некоторые неправительственные организации) могут оказывать поддержку творческим движениям без доминирования добровольно-принудительного неокOLONиального отношения, предъявляющего собственную продукцию в качестве образца. Есть необходимость в культурном обмене между участниками гуманитарного вмешательства. Импортирование выставок, спектаклей, семинаров художников, спонсируемых в ходе гуманитарного вмешательства, может дать к этому некоторые импульсы, но редко предполагает критичность восприятия, осуществляемого без риска для носителей местной культуры. Когда афганские деятели культуры приходят в страны своих интервентов, реализуя собственные потребности в свободе, новизне и экспериментальном выражении, это часто встречается там с чувством снисходительной усталости, переходящей в политическое сочувствие. Но, в любом случае, подобный опыт будет полезен по их возвращении и при организации будущих гуманитарных интервенций.

Список литературы

1. Bonacker, Thorsten/Free, Jan H./Zürcher, Christoph/Daxner, Michael (Eds.) 2010. Interventionskultur: Zur Soziologie von Interventiongesellschaften, Wiesbaden.
2. Brückner P. Das Abseits als sicherer Ort, Berlin. 1980.
3. Nehberg, Rüdiger. Survival-Lexikon, München. 2000.